

Валерий Васильевич ГАБРУСЕНКО (род. в 1941 г.),

канд. техн. наук, доцент, член-корр. ПАНИ, специалист в области строительных конструкций, основатель и в течение 23 лет бессменный председатель научного Общества железобетонщиков Сибири и Урала, автор более 160 опубликованных научных работ, нескольких изобретений и книг. С 1995 г. параллельно занимается публицистикой (газеты «Память Отечества», «Русский вестник», «За русское дело» и др., журналы «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Медный всадник» и др., сайт «Русская народная линия»), автор книг «200 русских гениев» и «Творцы оружия Победы». В 2002 – 2008 гг. являлся членом президиума НРО ПАНИ.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ (полемиические заметки)

95 лет назад, в апреле 1929 г., XVI конференция ВКП(б) поставила задачу: «В отношении короткой исторической срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны, обеспечить быстрый рост индустрии и подъем сельского хозяйства» и приняла резолюции «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» (на период с 1 октября 1928 г. по 30 сентября 1933 г.) и «О путях подъёма сельского хозяйства».

Грандиозный план 1-й пятилетки, разработанный под руководством Г.М. Кржижановского (ранее он же руководил и разработкой успешно выполнявшегося плана ГОЭЛРО), был представлен в двух вариантах – «отправном» (минимальном) и «оптимальном» (на 20% выше). Второй вариант был рассчитан на благоприятные условия. В ЦК он был принят за основу, а V Всесоюзным съездом Советов в мае 1929 г. – как закон. В плане были заложены, в частности, следующие контрольные цифры:

- увеличение объёма выпуска промышленной продукции на 180% (в 2,8 раза), в т. ч. тяжёлой на 230% (в 3,3 раза),
- увеличение выработки электроэнергии с 5 до 22 млрд. кВт·ч в год,
- увеличение выплавки чугуна с 370 тыс. т до 10 млн. т,
- увеличение объёма продукции машиностроения в 3 раза, а выпуска сельскохозяйственных машин в 4 раза,
- увеличение добычи угля с 35 млн. до 75 млн. т,
- увеличение производства удобрений со 175 тыс. и до 8 млн. т в год,
- увеличение протяжённости железных дорог с 76 тыс. до 92 тыс. км,
- увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции на 55%.

Нельзя не отметить обстоятельств, сопутствующих Первой пятилетке. С одной стороны, «Великая депрессия», разразившаяся в 1929 г. в странах Запада (особенно остро в США и Германии), дала возможность сравнительно дёшево закупать там металл, станки, оборудование и даже целые заводы. Охотно ехали к нам на работу и инженеры, оставшиеся у себя без работы. Например, американская фирма А. Кана разработала проекты около 500 промышленных объектов и проекты организации их строительства.

С другой стороны, уровень квалификации не только рабочих (в основном, вчерашних крестьян), но и многих руководителей гигантских строек (имевших в своём послужном багаже только революционные заслуги и преданность партии) был крайне низок. Огромная нехватка была и инженерно-технических кадров, большая часть которых эмигрировала или была истреблена в годы Военного коммунизма и Гражданской войны. Поэтому параллельно с чисто производственными задачами руководство страны большое внимание уделяло развитию технического образования: открывались новые вузы и техникумы. В связи с тем,

что доступ к высшему образованию для «классово чуждых элементов» был закрыт, массово создавались подготовительные курсы для рабочих – так называемые рабфаки (рабочие факультеты). К тому же, в 1930 г. введено всеобщее обязательное начальное (4 класса), а в городах и рабочих посёлках – 7-летнее образование.

Для успешного выполнения плана партия провела блестящую агитационно-пропагандистскую работу, зарядив народ, особенно молодёжь, необыкновенным энтузиазмом. Люди, живя в тесных бараках и землянках, не имея нормальной пищи, никаких удобств, даже подходящей одежды и обуви, совершали воистину чудеса героизма, чем компенсировали частые неразберихи, ошибки и невежество своих руководителей. Лозунги «Догоним и перегоним!» и «Пятилетку – в четыре года!» стали для них смыслом жизни.

Официально считалось, что пятилетку выполнили досрочно – за 4 года и 3 месяца, т.е. к концу 1932 года. На самом деле, это не так. То, что далеко не все показатели плана будут выполнены, стало ясно в начале 1932 г. (по воспоминаниям наркома Малышева, о невыполнении плана Сталин вспомнил на совещании в 1947 г.), и пятилетку просто досрочно свернули. Но свернули не для того, чтобы отказаться, а для того, чтобы учесть все ошибки и неудачи и составить более сбалансированный план Второй пятилетки (1933 – 1937), после которой СССР по уровню промышленного производства занял 2-е место в мире и не уступал ему до конца своего существования.

Главный итог 1-й пятилетки – был заложен прочный фундамент промышленности. Введены в строй 1500 крупных предприятий, в том числе Магнитогорский и Новокузнецкий металлургические комбинаты, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Горьковский и Московский автозаводы, Ростовский и Саратовский комбайновые заводы и десятки других гигантов промышленности, новые шахты в Кузбассе и Донбассе, завершено строительство Турксиба (начатого при Царе) и т.д. Было также расширено и переоборудовано множество старых предприятий, а слово «безработица» вышло из употребления до конца советской эпохи.

Принятию плана пятилетки предшествовали непростые события. В 1927 г. Англия разорвала с СССР дипломатические отношения из-за чрезмерно активной деятельности Коминтерна на территории Великобритании и из-за военной помощи, которую оказывала советская власть Китаю в его национально-освободительной войне и которая наносила ущерб английским колониальным интересам. Польша (всё мечтавшая о Речи Посполитой «от моря до моря») и Финляндия (мечтавшая о «Великой Финляндии» с границей до Белого моря и Невы, включая Ленинград) устраивали постоянные военные провокации на границах. Возникла угроза войны с Англией, Польшей, Финляндией и даже с целым блоком европейских стран.

Разведка РККА (Красной Армии) подсчитала, что пограничные Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния в случае войны могут выставить 2,5 млн. сухопутных войск, а СССР – не более 1,2 млн. при большом превосходстве вероятных противников в самолётах, танках и бронев автомобилях. И это – если в агрессии не будут участвовать Англия, Франция и Япония. Единственное, что мог срочно сделать (и сделал) СССР, – заминировать приграничные мосты, станции, водозаборные сооружения, заложить тайники с оружием и взрывчаткой для партизанской борьбы, подготовить опытных подрывников и руководителей подполья.

С конца 1928 г. не без влияния Запада и Японии начались и всё усиливались провокации вчерашнего союзника Китая на КВЖД, находившейся под совместным советско-китайским управлением, с разгромом советского консульства в Харбине и арестом советских служащих. На мирные призывы советского правительства китайцы не реагировали. Пришлось в августе 1929 г. специально создавать Особую Дальневосточную армию под командованием В.К. Блюхера, которая разгромила численно превосходившие китайские войска и в конце того года принудила китайцев к миру.

Внутри страны возникли свои проблемы. В 1927 году государство установило твёрдые цены на хлеб при госзакупках, в то время как цены на промышленные товары, необходимые крестьянам, были рыночными. При этом «ножницы цен» (разрыв между низкими закупочными ценами на сельхозпродукцию и высокими ценами на промтовары) все больше раздвигались. Крестьяне стали придерживать хлеб, надеясь, что закупочные цены вырастут, – началась «хлебная стачка». В результате, в городах с быстро растущим населением хлеба стало не хватать, а галопирующий рост цен на продукты питания (до троекратного) в кооперативах и частных лавках вызвал ропот рабочих. Это грозило инфляцией и подрывом финансовой системы. Зимой 1928/1929 г., несмотря на рост урожая, страна оказалась в продовольственном кризисе. С осени 1928 г. в крупных городах, а с февраля 1929 г. во всех городах пришлось вводить карточки на хлеб.

Совокупность всех обстоятельств поставила на повестку дня два неотложных вопроса: обеспечить Красную Армию современным оружием и техникой, что без создания тяжёлой промышленности сделать было невозможно, и решить продовольственную проблему. По второму вопросу мнения разделились.

Одна часть Политбюро ЦК ВКП(б), включая главного редактора газеты «Правда» Н.И. Бухарина, председателя Совнаркома (Правительства) А.И. Рыкова и руководителя профсоюзов М.И. Томского, предлагала эволюционное решение – поэтапное развитие сельскохозяйственной кооперации – вначале в сфере сбыта и переработки своей продукции, потом в сфере производства (благо, что кооперативное движение в стране приобрело большой размах). Другая часть, во главе с И.В. Сталиным, стояла за революционное решение – сплошную коллективизацию.

Аргументы бухаринцев состояли в том, что, во-первых, сплошная коллективизация при нехватке техники и при отсутствии личной заинтересованности крестьянина приведет не к росту, а к падению сельскохозяйственного производства. Здесь противники сплошной коллективизации, в конечном итоге, оказались правы. В самом деле, если объединить все личные хозяйства, то ни тягла (лошадей и волов), ни имеющейся сельхозтехники, ни рабочих рук, ни пашни не прибавится, зато не станет и личной заинтересованности. Трактора ещё были редкостью (в 1927 году в стране их было всего около 30 тыс.), и ими можно было обеспечить лишь ничтожный процент крупных хозяйств.

Исходя из этого тезиса, бухаринцы, считали, во-вторых, что индустриализацию нужно начинать с лёгкой промышленности, которая не потребует «длинных» кредитов (т.е. даст быстрый оборот капиталов), насытит внутренний рынок потребительскими товарами, стимулирует крестьян к увеличению продажи своей продукции, а значит, и к росту сельскохозяйственного производства, и создаст (вместе с лёгкой промышленностью) накопления для развития тяжёлой промышленности.

Денег же для этого, по их мнению, в стране было достаточно. Действительно, ещё до начала 1-й пятилетки был построен ДнепроГЭС и ещё несколько электростанций, развернулось строительство Сталинградского тракторного завода, «Ростсельмаша» и ряда других крупных заводов. Немало денег уходило также за рубеж по линии Коминтерна для поддержки революционных партий и движений. А продовольственный кризис 1928/29 гг. Бухарин считал результатом ошибок партии в аграрной политике (непомерные налоги на «кулаков» и низкие закупочные цены), ибо в пересчёте на душу населения урожаи в 1927 и 1928 годах были практически таким же, как в период 1910 – 1914 гг.

При всех плюсах в позиции Бухарина и его сторонников было два изъяна. Предлагая первоочередное развитие лёгкой промышленности, они обошли вниманием развитие промышленности, производящей удобрения, тракторы, комбайны и прочую сельхозтехнику, без чего, как бы ни развивалась кооперация, рост урожайности и производительности труда в деревне был бы под вопросом. Но, чтобы делать удобрения, тракторы и комбайны, нужны оборудование, станки, металл и т. д., которых в стране было явно недостаточно. Для преодоления же продовольственного кризиса они предлагали

закупить зерно за границей за счёт уменьшения импорта машин и оборудования для заводов.

У сталинцев были свои аргументы. Во-первых, как обеспечить госзакупки хлеба и остановить инфляцию? – не завтра, а сегодня. Ведь объём товарного (т.е. выставленного на продажу) зерна в стране в 1927 г. при том же урожае оказался вдвое меньше, чем в 1913-м.

Во-вторых, до революции крупные помещичьи и крепкие единоличные хозяйства (с наемными рабочими) давали 70% товарного зерна, владея намного меньшим процентом пашенных земель. Следовательно, вместо мелких крестьянских хозяйств нужно создавать крупные.

В-третьих, постоянная внешняя угроза и увеличивавшееся промышленное отставание от передовых стран Запада требуют первоочередного создания не лёгкой, а тяжёлой промышленности, а где взять на это деньги? Запад крупных займов не даст, а если даст, то на кабальных экономических и политических условиях. И приводили пример (впервые озвученный ещё Троцким): индустриализация в странах Европы происходила за счет ограбления колоний. У России внешних колоний нет, но зато есть крестьянство. Оно и должно обеспечить финансовую сторону индустриализации, а для этого необходимо создать колхозы и совхозы, взять производство и сдачу сельхозпродукции под контроль государства и за счет увеличения экспорта хлеба получить необходимую валюту. Против такого подхода на апрельском пленуме ЦК, состоявшемся накануне XVI партконференции (1929 г.), решительно выступил Рыков.

В том, что без крупных хозяйств продовольственную проблему в стране решить было нельзя, Сталин, безусловно, был прав, но у его позиции был свой, очень серьёзный изъян. Крупные хозяйства давали до революции хорошие урожаи при низких трудозатратах не потому, что они крупные, а потому, что они были лучше оснащены техникой, и потому, что они использовали передовые агротехнические приёмы. Отсюда следовало, что коллективизацию нужно проводить всё-таки постепенно, по мере насыщения сельского хозяйства удобрениями, техникой и развития сети машинно-тракторных станций (МТС), но это противоречило главной задаче – взять у крестьян столько хлеба, сколько нужно государству, взять сегодня.

Победила позиция Сталина, хотя, объективности ради, надо сказать, что это была позиция Троцкого, а затем и Зиновьева, против которой Сталин выступал до конца 1927 года, т.е. до тех пор, пока троцкисты и прочие «левые» не были изгнаны из партии. До этого он поддерживал Бухарина и защищал его от нападок Троцкого и Зиновьева с Каменевым. Так что по сути Сталин оказался последователем Троцкого. И, как иронично заметил академик И.Р. Шафаревич, фактически борьба между Троцким, Зиновьевым и Сталиным шла за право проводить коллективизацию. Сегодня никто не может определённо сказать, обстановка ли вынудила Сталина перейти на позицию Троцкого, или в этом вопросе он всегда был его сторонником и использовал «правого уклониста» Бухарина просто как временный таран против Троцкого.

2 – 19 декабря 1927 г. состоялся XV съезд ВКП(б), названный впоследствии «Съездом коллективизации». На нём была окончательно разгромлена позиция Троцкого, Зиновьева, Каменева и их сторонников и утверждено их исключение из партии, приняты Директивы по составлению первого пятилетнего плана, и резолюция «О работе в деревне». В этой резолюции о коллективизации говорится ещё как о деле добровольном: *«Категорически указывая на то, что переход [к коллективным хозяйствам] может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян, партия признаёт неотложным широко развернуть пропаганду необходимости и выгоды для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству...»* (выделено мной – В.Г.).

Уже весной 1928 г. в колхозы и совхозы объединились 416,7 тыс. единоличников большинство которых составляли бедняки. Для их поддержки государство выделяло

беспроцентные ссуды, снабжало сельхозмашинами и установило налоговые льготы. Коллективные хозяйства имели наивысший уровень товарности (процент продаваемой продукции от общего объема произведённой), что объяснялось, прежде всего, их мощной государственной поддержкой. Однако в валовом производстве зерна они составляли всего 1,7%, остальное – единоличники.

Столь низкий процент в совокупности с продовольственным кризисом дал повод резко повернуть политику ЦК. Не прошло и полутора лет после XV съезда, как на объединённом пленуме ЦК и ЦКК, состоявшемся 16 – 23 апреля 1929 г. (накануне упомянутой XVI партконференции), разгрому подверглась уже позиция Бухарина. В ответ на резко критическое выступление секретаря ЦК В.М. Молотова Бухарин даже съязвил: «Или теперешний Молотов должен исключить из партии Молотова от XV съезда, или Молотов XV съезда должен исключить теперешнего Молотова». С этого пленума и начался отсчёт политики сплошной коллективизации.

27 декабря 1929 г. в своей речи на Конференции аграрников-марксистов Сталин провозгласил «политику ликвидации кулачества как класса», и так объяснил этот зигзаг: *«До последнего времени партия стояла на позиции ограничения эксплуататорских тенденций кулачества... Правильна ли была эта политика? Да, она была тогда безусловно правильна. Могли ли мы лет пять или года три назад предпринять такое наступление на кулачество? Нет не могли... Потому что у нас не было ещё опорных пунктов в деревне, в виде широкой сети колхозов и совхозов, на которых можно было базироваться в решительном наступлении против кулачества...».*

Надо признать, объяснение это лукавое. Число колхозов и совхозов действительно резко выросло (они объединяли уже более 1 млн. единоличников), но большинство их в то время было создано насильственно, и вряд ли они могли служить надёжными «опорными пунктами» в «решительном наступлении». Между партийными «князьями» и «князьями» даже пошли соревнования, у кого больше процент коллективизации.

Эти «соревнования» сопровождалась тотальной конфискацией зерна и скота у крестьян-единоличников и вылились в непрекращающиеся восстания, которые решительно и безжалостно подавлялись. (Часть конфискованного забирало государство, часть шла в колхозы.) Дело усугубили ретивые не по разуму местные партийно-чекистские деятели, сгонявшие крестьян в коммуны с обобществлением личного имущества. Отсюда в деревне пошли и небезосновательные слухи о ликвидации семьи и об общих жёнах. В отличие от Тамбовского восстания 1920 – 1921 гг., крестьяне были не организованы, почти не имели оружия и действовали по методу небольших партизанских отрядов, которых власти называли «кулацкими бандами». При этом в большом числе гибли не только крестьяне, но и партийно-советские работники и чекисты, проводившие коллективизацию.

Через месяц после речи Сталина политика раскулачивания приобрела конкретные формы. В постановлении Политбюро ЦК от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» «кулаки» были разделены на три категории: 1 – контрреволюционный актив, организаторы терактов и восстаний (их расстреливали, имущество конфисковывали, а семьи, без денег и без вещей, ссылали в отдалённые северные места, где многие гибли от голода и лишений), 2 – остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков (заключение в концлагеря, реже ссылка в те же места вместе с семьёй с конфискацией имущества), 3 – остальные кулаки (выселение на специально отведенные места за пределы колхозов). «Раскулаченные» и составили основной контингент заключённых, работавших на строительстве Беломорканала и Норильска, на лесоповалах, на добыче колымского золота и т.д., и т.д.

4 февраля 1930 г. вышла секретная инструкция президиума ЦИК «О выселении и расселении кулацких хозяйства» с конфискацией «средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, продовольственных, кормовых и семенных запасов, излишков домашнего имущества, а также наличных денег». Приказ ОГПУ от 2 февраля

1930 г. предусматривал немедленную ликвидацию кулацкого актива, в том числе, «активных членов церковных советов, всякого рода религиозных общин», кулаков, «бегущих с постоянного места жительства», а также «белых офицеров».

То есть вместе с «ликвидацией кулачества как класса», ликвидировался и «класс» верующих (с репрессиями духовенства, вплоть до расстрелов, и массовым разрушением церквей), и «класс» старого офицерства (с арестами и расстрелами), а заодно и «класс» русской интеллигенции (дело «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Славистов», «Академическое» дело и мн. др. «дела», аресты крупных учёных и инженеров). Начался Второй Русский Холокост (Первый был в 1918 – 1922 гг.).

Этим вся «продуманность» кампании и ограничилась. Ни в приказах плохо говорившего по-русски наркома земледелия Я.А. Яковлева (Эпштейна), ни в инструкциях ОГПУ не было даже чёткого указания о том, кого считать кулаками, кого середняками, кого бедняками. В результате у «комиссаров в пыльных шлемах» (ядро которых составляли инородцы), соскучившихся по беззаконию и произволу за годы после Военного коммунизма и продрозвёрстки, были развязаны руки.

О том, как конкретно, с примерами на живых людях, проходило «раскулачивание», в каких нечеловеческих условиях жили ссыльные семьи «раскулаченных», написаны десятки книг и опубликованы сотни документов, от которых кровь стынет в жилах. Пересказывать их не будем. Скажем только, что во многих местах процент «раскулаченных» доходил до 15-ти от общего числа крестьян, хотя даже в самых богатых районах «кулаков» (крестьян, частично использовавших наёмный труд, и просто зажиточных крестьян) было не более 5%. К «кулацкому» могли отнести хозяйство большой многодетной семьи, где есть две коровы или где есть крепкий дом, или где в доме спят не на полу, а на кроватях, – всё на усмотрение «коллективизаторов».

В статье, опубликованной в газете «Правда» 7 ноября 1929 г., Сталин назвал этот год «Годом великого перелома». Это был действительно перелом – перелом хребта русскому крестьянству. Однако массовые крестьянские выступления, в том числе в связи с закрытием церквей, угроза гражданской войны встревожили руководство страны, и 2 марта 1930 г. в «Правде» была опубликована новая статья Сталина «Головокружение от успехов» (этот заголовок потом стал крылатой фразой). В ней были подвергнуты резкой критике «левацкие перегибы на местах»: насильственная коллективизация, насильственные создания коммун, насильственное закрытие церквей, неучёт местных условий и т.д.

После публикации статьи были приняты соответствующие меры: на время приостановлена насильственная коллективизация, отстранён ряд работников (впоследствии многие из них были осуждены как «троцкистские вредители»), прекращено закрытие сельских церквей (в городах закрытие и разрушение продолжалось практически до самой войны), священники выведены из «класса кулаков» и т.д.

Ответом стал массовый выход из колхозов (там остался 21% крестьян), но валовый сбор зерна при этом даже увеличился: если в 1929 г. он составил 71,7 млн. т, то в 1930-м – 83,5 млн. т. Однако на следующий год, к сентябрю 1931-го, охват коллективизацией вновь вырос – до 61%. Достигнуто это было не с помощью «товарища Маузера», как раньше, а мирным способом – резким повышением налогов на единоличника. У того оставалось два выхода – идти в колхоз или уезжать в город и вливаться в рабочий класс, который, к тому же, остро нуждался в пополнении.

Старшее поколение, сроднившееся с землёй, преимущественно выбирало первый вариант, но с одной особенностью: оно забивало свой скот, чтобы не отдавать его в колхозное стадо. Результатом стало сокращение в 1932 г. по сравнению с 1928 г. поголовья коров в 1,36, свиней – в 2,38, овец и коз – в 2,11 раза. Молодёжь предпочитала второй вариант, но власть, обеспокоенная чрезмерно быстрым оттоком сельского населения, приняла меры: в декабре 1932 г. были введены паспорта и система прописки. Колхозникам паспортов не выдавали, и уехать в город они могли только с разрешения председателя

колхоза, а для работы в городе трудовые кадры из села стали брать по организованному набору.

Такой способ «добровольной» коллективизации привёл к неизбежным последствиям: в 1931 г. валовый сбор зерна упал до 69,5 млн. т. В 1932 г. обстановку усугубила засуха, вымерзание озимых и болезни злаковых в хлебных районах, и урожай снизился до 60,1 млн. т. При этом зерно составляло около 20% экспорта, а мировые цены на него во время «Великой депрессии» упали почти вдвое. В 1932 году правительство было вынуждено сократить экспорт хлеба в три раза, но от массового голода это уже не спасло. В 1932 – 1933 гг. голодной смертью погибло, по разным оценкам (от коммунистических до либеральных), от 2 до 7 млн. чел., большинство неангажированных исследователей сходится на числе 5 млн. Так завершился Второй Русский Холокост.

Сегодня есть разные, порой противоположные мнения и оценки. Одни считают, что всё было сделано правильно. Даже голод они объясняют саботажем крестьян и воровством колхозного зерна, которое прятали в ямах, а летом, когда оно становилось ядовитым, употребляли в пищу и умирали от отравления. Спорить не будем, но ведь не будь *такой* коллективизации, не было бы ни саботажа, ни воровства. Да, говорят они, имели место ошибки и перегибы, как это бывает в любом большом деле («лес рубят, щепки летят»), но жертвы были не напрасными, без них страна не совершила бы могучий промышленный рывок, а без него мы бы не выиграли страшную войну. Возможно, они и правы, хотя следует оговориться, что почти четверть средств пятилетки была затрачена на южную промышленность, захваченную врагом через 3 – 5 месяцев после начала войны и удерживаемую им два года, а там, в частности, добывалось почти 60% угля в стране, выплавлялась половина стали и подавляющая часть особо ценной для оружия – легированной стали. Но неужели у них не содрогается сердце от числа 5 миллионов? Даже от числа 2 миллиона?

Другие считают причиной голода своеволие Сталина. Вот если бы он принял программу Бухарина, то и индустриализация бы состоялась, и миллионы людей бы не пострадали. Никто, однако, из нынешних его сторонников, вооружённых множеством статистических данных, архивных документов и знанием последующих исторических событий, не может сказать, в каком году страна, если бы она следовала этой программе, накопила бы достаточно средств для развития тяжёлой индустрии и когда бы она ее создала – в 1937-м, 1941-м или, может быть, в 1945-м? Они только могут высказывать туманные предположения.

Возможно, был какой-то третий путь, который привёл бы страну к экономическому могуществу без страшных жертв и потрясений и который не сумели (или не хотели) найти ни Сталин, ни Бухарин. Бог им теперь судья! А нам... Нам хотя бы поставить памятник Русскому Крестьянину, на плечи которого легла вся тяжесть индустриализации, а затем и Великой Отечественной войны.

Послесловие. Данные заметки вполне вероятно вызовут критику части читателей, потому они и названы полемическими. Автор при этом надеется, что критические стрелы будут сопровождаться цифрами и фактами, а не только эмоциями и эпитетами по адресу автора.